

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ

Артур Конан Дойл
Собака Баскервильей

«Public Domain»

1901

Дойл А.

Собака Баскервилей / А. Дойл — «Public Domain», 1901

«Мистер Шерлок Холмс, имевший обыкновение вставать очень поздно, за исключением тех нередких случаев, когда вовсе не ложился спать, сидел за завтраком. Я стоял на коврике перед камином и держал в руках трость, которую наш посетитель забыл накануне вечером. Это была красивая, толстая палка с круглым набалдашником. Как раз под ним палку обхватывала широкая (в дюйм ширины) серебряная лента, а на этой ленте было выгравировано: “Джэмсу Мортимеру, M. R. C. S. от его друзей из С. С. Н.” и год “1884”. Это была как раз такого рода трость, какую носят обыкновенно старомодные семейные доктора, – почтенная, прочная и надежная...»

Содержание

I. Мистер Шерлок Холмс	5
II. Проклятие над Баскервильями	9
III. Задача	15
IV. Сэр Генри Баскервиль	21
V. Три порванные нити	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Артур Конан Дойль

Собака Баскервилей

I. Мистер Шерлок Холмс

Мистер Шерлок Холмс, имевший обыкновение вставать очень поздно, за исключением тех нередких случаев, когда вовсе не ложился спать, сидел за завтраком. Я стоял на коврике перед камином и держал в руках трость, которую наш посетитель забыл накануне вечером. Это была красивая, толстая палка с круглым набалдашником. Как раз под ним палку обхватывала широкая (в дюйм ширины) серебряная лента, а на этой ленте было выгравировано: «Джэмсу Мортимеру, М. R. C. S. от его друзей из С. С. Н.» и год «1884». Это была как раз такого рода трость, какую носят обыкновенно старомодные семейные доктора, – почтенная, прочная и надежная.

– Что вы с нею делаете, Ватсон?

Холмс сидел ко мне спиной, а я ничем не обнаружил своего занятия.

– Почему вы узнали, что я делаю? У вас, должно быть, есть глаза в затылке.

– У меня по крайней мере есть хорошо отполированный кофейник, и он стоит передо мною, – ответил он. – Но скажите мне, Ватсон, что вы делаете с тростью нашего посетителя? Так как мы к несчастью упустили его визит и не имеем понятия о том, зачем он приходил, то этот знак памяти приобретает известное значение. Послушаем, какое вы составили представление о человеке, рассмотрев его трость.

– Я думаю, – сказал я, пользуясь, насколько мог, методом моего товарища, – что доктор Мортимер удачный пожилой врач, пользующийся уважением, раз знакомые оказали ему внимание этим подарком.

– Хорошо! – одобрил Холмс. – Прекрасно!

– Я также думаю, что он, вероятно, деревенский врач и делает много визитов пешком.

– Почему?

– Потому что эта трость, очень красивая, когда была новой, до того исцарапана, что вряд ли ее мог бы употреблять городской врач. Железный наконечник до того истерт, что, очевидно, с нею совершено не малое число прогулок.

– Совершенно здраво! – заметил Холмс.

– Затем на ней выгравировано «от друзей из С. С. Н.». Я полагаю, что эти буквы означают какую-нибудь охоту (hunt), какое-нибудь местное общество охотников, членам которого он, может быть, подавал медицинскую помощь, за что они и сделали ему этот маленький подарок.

– Право, Ватсон, вы превосходите самого себя, – сказал Холмс, отодвигая стул и закуривая папироску. – Я должен сказать, что во всех ваших любезных рассказах о моих ничтожных действиях вы слишком низко оценивали свои собственные способности. Может быть, вы сами и не освещаете, но вы проводник света. Некоторые люди, не обладая сами гением, имеют замечательную способность вызывать его в других. Признаюсь, дорогой товарищ, что я в большом долгу у вас.

Никогда раньше не говорил он так много, и я должен сознаться, что слова его доставили мне большое удовольствие, потому что меня часто обижало его равнодушие к моему восхищению им и к моим попыткам передать гласности его метод. Я также гордился тем, что настолько усвоил его систему, что применением ее заслужил его одобрение. Холмс взял у меня из рук трость и рассматривал ее несколько минут невооруженным глазом. Затем, с выражением возбужденного интереса на лице, он отложил папиросу и, подойдя с тростью к окну, стал ее снова рассматривать в лупу.

– Интересно, но элементарно, – произнес он, садясь в свой любимый уголок на диване. – Есть, конечно, одно или два верных указания относительно трости. Они дают нам основание для нескольких выводов.

– Разве я упустил что-нибудь из вида? – спросил я с некоторою самонадеянностью. – Полагаю, – ничего важного?

– Боюсь, дорогой Ватсон, что большинство ваших заключений ошибочно. Я совершенно искренно сказал, что вы вызываете во мне мысли, и, замечая ваши заблуждения, я случайно напал на истинный след. Я не говорю, что вы вполне ошиблись. Человек этот, без сомнения, деревенский врач, и он очень много ходит.

– Так я был прав.

– Настолько, да.

– Но это же и все.

– Нет, нет, милый Ватсон, не все, далеко не все. Я, например, сказал бы, что подарок доктору сделан скорее от госпиталя, чем от охотничьего общества, и раз перед этим госпиталем поставлены буквы С. С., то само собою напрашиваются на ум слова «Чэринг-Кросс» (Charing-Cross Hospital).

– Вы, может быть, правы.

– Все говорит за такое толкование. И если мы примем его за основную гипотезу, то будем иметь новые данные для восстановления личности этого неизвестного посетителя.

– Ну так, предполагая, что буквы С. С. Н. должны означать Чэринг-Кросский госпиталь, какие же мы можем сделать дальнейшие выводы?

– Разве вы не чувствуете, как они сами напрашиваются? Вы знакомы с моею системой – применяйте ее.

– Для меня ясно только одно очевидное заключение, что человек этот практиковал в городе, прежде чем переехать в деревню.

– Мне кажется, что мы можем пойти несколько дальше. Продолжайте в том же направлении. По какому случаю вероятнее всего мог быть сделан этот подарок? Когда друзья его могли сговориться, чтобы доказать ему свое расположение? Очевидно, в тот момент, когда доктор Мортимер покидал госпиталь с тем, чтобы заняться частной практикой. Мы знаем, что был сделан подарок. Мы полагаем, что доктор Мортимер променял службу в городском госпитале на деревенскую практику. Так будет ли слишком смелым вывод, сделанный из этих двух посылок, что доктор получил подарок по случаю этой перемены?

– Конечно, это, по-видимому, так и было.

– Теперь заметьте, что он не мог быть в штате госпиталя, потому что только человек с прочно установившеюся практикою в Лондоне мог занимать такое место, а такой человек не ушел бы в деревню. Кем же он был? Если он занимал место в госпитале, а между тем не входил в его штат, то он мог быть только врачом или хирургом-куратором, – немногим более студента старшего курса. Он ушел из госпиталя пять лет назад, – год обозначен на трости. Таким образом, милый Ватсон, ваш почтенный, пожилой семейный врач улетучивается, и является молодой человек не старше тридцати лет, любезный, не честолюбивый, рассеянный и обладатель любимой собаки, про которую я в общих чертах скажу, что она больше терьера и меньше мастифа.

Я недоверчиво засмеялся, когда Шерлок Холмс, сказав это, прислонился к дивану и стал выпускать к потолку колечки дыма.

– Что касается до вашего последнего предположения, то я не имею средств его проверить, – сказал я, – но, по крайней мере, не трудно найти некоторые сведения о возрасте и профессиональной карьере этого человека.

С моей небольшой полки медицинских книг я взял врачебный указатель и открыл его на имени Мортимер; их было несколько, но только одно из них могло относиться к нашему посетителю. Я прочел вслух следующие сведения о нем:

«Мортимер, Джэмс, М. R. C. L., 1882, Гримпен, Дартмур, Devon, врач-куратор, с 1882 по 1884 в Чэринг-Кросском госпитале. Получил Джаксоновскую премию за сравнительную патологию с этюдом под заглавием: «Наследственна ли болезнь?» Член-корреспондент шведского патологического общества, автор статей: «Несколько причуд атавизма» (Ланцет, 1882), «Прогрессируем ли мы?» (Психологический журнал, март, 1883 г.). Служит в приходах Гримпен, Торелей и Гай Барро».

– Ни малейшего намека, Ватсон, на местное общество охотников, – сказал Холмс с саркастической улыбкой, – но деревенский врач, как вы проницательно заметили. Я думаю, что мои выводы достаточно подтверждены. Что же касается до приведенных мною прилагательных, то, если не ошибаюсь, они были: любезный, нечестолюбивый и рассеянный. Я по опыту знаю, что в этом мире только любезный человек получает знаки внимания, только не честолюбивый покидает лондонскую карьеру для деревенской практики и только рассеянный оставляет, вместо визитной карточки, свою трость, прождав вас в вашей комнате целый час.

– А собака?

– Имела обыкновение носить за своим господином эту трость. Так как эта трость тяжела, то собака крепко держала ее за середину, где ясно видны следы ее зубов. Пространство, занимаемое этими следами, показывает что челюсть собаки велика для терьера и мала для мастифа. Это, должно быть... ну да, конечно, это кудрявый спаньель.

Холмс встал с дивана и, говоря таким образом, ходил по комнате. Затем он остановился у окна. В его голосе звучала такая уверенность, что я с удивлением взглянул на него.

– Милый друг, как вы можете быть так уверены в этом?

– По той простой причине, что я вижу собаку на пороге нашей двери, а вот и звонок ее господина. Пожалуйста, не уходите, Ватсон. Он ваш коллега, и ваше присутствие может быть полезным для меня. Наступил, Ватсон, драматический момент, когда вы слышите на лестнице шаги человека, который должен внести что-то в вашу жизнь, и вы не знаете, к добру ли это или нет. Что нужно доктору Джэмсу Мортимеру, человеку науки, от Шерлока Холмса, специалиста по преступлениям? – Войдите.

Вид нашего посетителя удивил меня, потому что я ожидал типичного деревенского врача. Он был очень высокого роста, тонкий, с длинным носом, похожим на клюв, выдававшимся между двумя острыми, серыми глазами, близко поставленными и ярко блестящими из-за очков в золотой оправе. Он был одет в профессиональный, но неряшливый костюм: его сюртук был грязноват, а брюки потерты. Хотя он был еще молод, но спина его уже была сторблена, и он шел, нагнув вперед голову, с общим выражением пытливой благосклонности. Когда он вошел, взгляд его упал на трость в руках Холмса, и он подбежал к ней с радостным возгласом:

– Как я доволен! Я не был уверен, здесь ли я ее оставил или в паровой конторе. Я бы не хотел ни за что на свете потерять эту трость.

– Это, как видно, подарок, – сказал Холмс.

– Да, сэр...

– От Чэринг-Кросского госпиталя?

– От нескольких друзей, служащих там, по случаю моей свадьбы.

– Ай, ай, это скверно, – сказал Холмс, качая головой.

Глаза доктора Мортамера блеснули сквозь очки кротким удивлением.

– Почему же это скверно?

– Только потому, что вы разбили наши маленькие выводы. По случаю вашей свадьбы, говорите вы?

– Да, сэр. Я женился и оставил госпиталь, а вместе с ним и всякие надежды на практику консультанта. Это было необходимо для того, чтобы я мог завести свой собственный домашний очаг.

– Ага, так мы в сущности уже не так ошиблись, – сказал Холмс. Итак, доктор Джэмс Мортимер...

– Мистер, сэр, мистер... скромный врач.

– И очевидно человек с точным мышлением.

– Пачкун в науке, мистер Холмс, собиратель раковин на берегах великого неисследованного океана. Полагаю, что я обращаюсь к мистеру Шерлоку Холмсу, а не...

– Нет, это мой друг, доктор Ватсон.

– Очень рад, что встретил вас, сэр. Я слышал ваше имя в связи с именем вашего друга. Вы очень интересуете меня, мистер Холмс. Я с нетерпением ожидал увидеть такой доликоцефальный череп и столь хорошо выраженное развитие надглазной кости. Вы ничего не будете иметь, если я проведу пальцем по вашему теменному шву? Снимок с вашего черепа, пока оригинал его еще деятелен, составил бы украшение всякого антропологического музея. Я вовсе не намерен быть неделикатным, но признаюсь, что жажду вашего черепа.

Шерлок Холмс указал странному посетителю на стул и сказал:

– Я вижу, сэр, что вы восторженный поклонник своей идеи, как и я своей. Я вижу по вашему указательному пальцу, что вы сами скручиваете себе папиросы. Не стесняйтесь курить.

Посетитель вынул из кармана табак и бумажку, и с поразительной ловкостью скрутил папироску. У него были длинные дрожащие пальцы, столь же подвижные и беспокойные, как щупальцы насекомого.

Холмс молчал, но его быстрые взгляды доказывали мне, насколько он интересуется нашим удивительным гостем.

– Я полагаю, сэр, – сказал он, наконец, – что вы сделали мне честь придти сюда вчера вечером и опять сегодня не с исключительной целью исследовать мой череп?

– Нет, сэр, нет, хотя я счастлив, что получил и эту возможность. Я пришел к вам, мистер Холмс, потому, что признаю себя непрактичным человеком и потому, что я внезапно стал лицом к лицу с очень серьезной и необыкновенной задачей. Признавая вас вторым экспертом в Европе...

– Неужели, сэр! Могу я вас спросить, кто имеет честь быть первым? – спросил Холмс несколько резко.

– Но точно научный ум Бертильона будет всегда иметь сильное влияние.

– Так не лучше ли вам посоветоваться с ним?

– Я говорил, сэр, об уме точно научном. Что же касается до практически делового человека, то всеми признано, что вы в этом отношении единственный. Надеюсь, сэр, что я неумышленно не...

– Немножко, – сказал Холмс. – Я думаю, доктор Мортимер, что вы сделаете лучше, если, без дальнейших разговоров, будете добры просто изложить мне, в чем заключается задача, для разрешения которой требуется моя помощь.

II. Проклятие над Баскервилями

– У меня в кармане рукопись, – начал Джэмс Мортимер.

– Я это заметил, как только вы вошли в комнату, – сказал Холмс.

– Это старая рукопись.

– Не новее восемнадцатого столетия, если это только не подделка.

– Как могли вы это узнать, сэр?

– Все время, пока вы говорили, из вашего кармана выглядывало дюйма два этой рукописи. Плохим был бы я экспертом, если бы не мог указать на эпоху документа с точностью приблизительно до десяти лет. Может быть, вы читали мою небольшую монографию об этом. Я отношу этот документ к 1730 году.

– Точная его дата 1742. – При этом доктор Мортимер вынул документ из кармана. – Эта фамильная бумага была мне доверена сэром Чарльзом Баскервилем, внезапная и загадочная смерть которого около трех месяцев назад произвела такое возбуждение в Девоншире. Я могу сказать, что был его другом и врачом. Это был, сэр, человек сильного ума, строгий, практичный и с столь же мало развитым воображением, как у меня самого. Между тем он серьезно отнесся к этому документу, и его ум был подготовлен к постигшему его концу.

Холмс протянул руку за рукописью и разглядел ее на своем колене.

– Заметьте, Ватсон, перемежающиеся длинные и короткие «S». Это одно из нескольких указаний, давших мне возможность определить дату.

Я посмотрел из-за его плеча на желтую бумагу и поблекшее письмо. В заголовке было написано: «Баскервиль-голлъ», а внизу, – большими цифрами нацарапано: «1742».

– Это имеет вид какого-то рассказа.

– Да, это рассказ одной легенды, которая в ходу в семействе Баскервиль.

– Но, насколько я понимаю, вы желаете посоветоваться со мною о чем-то более современном и практичном?

– О самом современном. О самом практическом спешном деле, которое должно быть решено в двадцать четыре часа. Но рукопись не длинная и тесно связана с делом. С вашего позволения я прочту ее вам.

Холмс прислонился к спинке кресла, сложил вместе кончики пальцев обеих рук и закрыл глаза с выражением покорности. Доктор Мортимер повернул рукопись к свету и стал читать высоким, надтреснутым голосом следующий любопытный рассказ:

«Много говорилось о происхождении Баскервильской собаки, но так как я происхожу по прямой линии от Гюго Баскервиля, и так как я слышал эту историю от моего отца, а он от своего, то я изложил ее с полной уверенностью, что она произошла именно так, как тут изложена. И я бы желал, чтобы вы, сыновья мои, верили в то, что та же самая Справедливость, которая наказывает грех, может также милостиво простить его, и что нет того тяжелого проклятия, которое бы не могло быть снято молитвою и раскаянием. Так научитесь из этого рассказа не страшиться плодов прошлого, но скорее быть предусмотрительными на счет будущего, дабы скверные страсти, от которых так жестоко пострадал наш род, не были снова распуцены на нашу погибель.

Итак, знайте, что во время великого восстания (на историю которого, написанную ученым лордом Кларендоном, я должен серьезно обратить ваше внимание) поместье Баскервиля находилось во владении Гюго Баскервиля, самого необузданного, нечестивого безбожника. Эти качества

соседи простили бы и ему, потому что они никогда не видели, чтобы святые процветали в этой местности, но он отличался таким жестоким развратом, что имя его сделалось притчей на всем Западе. Случилось так, что Гюго полюбил (если можно выразить столь прекрасным словом его гнусную страсть) дочь зажиточного крестьянина, арендовавшего земли близ Баскервильского поместья. Но молодая девушка, скромная и пользовавшаяся добрым именем, постоянно избегала его, страшась его дурной славы.

Однажды, в день Михаила Архангела, Гюго с пятью или шестью из своих бездельных и злых товарищей прокрался на ферму и похитил девушку, пока отец ее и братья были в отсуствии, что ему было прекрасно известно. Девушку привезли в замок и поместили в комнате верхнего этажа, а Гюго и его друзья предались, по своему обыкновению, продолжительной ночной оргии. Между тем бедная девушка, слыша песни, крики и страшную ругань, доходившие до нее снизу, чуть с ума не сошла, потому что, когда Гюго Баскервиль был пьян, то, говорят, употреблял такие слова, которые могли сразить человека, слышавшего их. Наконец доведенная до крайнего ужаса, она сделала то, что устало бы самого храброго мужчину: при помощи плюща, покрывавшего (и поныне покрывающего) южную стену, она спустилась с карниза и побежала через болото по направлению к ферме своего отца, отстоявшей от замка на девять миль.

Немного позднее Гюго вздумал отнести своей гостье поесть и попить, – а может быть и еще что-нибудь худшее, и нашел клетку пустою, – птичка улетела. Им тогда точно овладел дьявол, и он, бросившись вниз, вбежал в столовую, вскочил на большой стол, опрокидывая бутылки и кушанья, и закричал во все горло, что он готов в эту же ночь предать свое тело и душу нечистому духу, только бы ему удалось догнать девушку. Кутилы стояли разиня рот при виде бешенства своего хозяина, как вдруг один из них, более других злой, а может быть, более пьяный, закричал, что следовало бы выпустить на нее собак. Услыхав это, Гюго выбежал из дому и, вызывая конюхов, приказал им оседлать его кобылу и выпустит собак. Когда это было сделано, он дал собакам понюхать головной платок девушки, толкнул их на след и с громким криком полетел по болоту, освещенному луной.

Кутилы продолжали стоять, вытаращив глаза, не понимая, что такое было предпринято столь поспешно. Но вдруг их отяжелевшие мозги прояснились, и они отдали себе отчет в том, что должно совершиться на болоте. Все взволновались: кто требовал свой пистолет, кто свою лошадь, а кто еще бутылку вина. Наконец, они пришли в себя и всею гурьбою (тринадцать всего человек) сели на лошадей и пустились догонять Гюго. Месяц ясно светил над ними, и они быстро скакали все рядом по тому направлению, по которому обязательно должна была бежать девушка, если она хотела вернуться домой.

Они проскакали две-три мили, когда встретили одного из ночных пастухов на болоте и спросили его, не видал ли он охоты, История гласит, что человек этот был до того поражен страхом, что еле мог говорить, но, наконец, сказал, что видел несчастную девушку и собак, бежавших по ее следам. «Но я видел еще больше этого, – прибавил он, – Гюго Баскервиль обогнал меня на своей вороной кобыле, а за ним молча бежала собака, – такое исчадие ада, какое не дай мне Бог никогда видеть за своими пятнами». Пьяные помещики выругали пастуха и продолжали свой путь. Но вскоре

по их коже пробежали мурашки, потому что они услышали быстрый стук копыт и тотчас же увидели на болоте скакавшую мимо них вороную кобылу, забрызганную белой пеной, с волочащимися поводьями и пустым седлом. Кутилы собрались теснее друг к другу, потому что их обдал страх, но они все-таки продолжали подвигаться по болоту, хотя каждый, будь он один, рад был бы повернуть обратно. Они ехали медленно и, наконец, добрались до собак. Хотя они все были знамениты своею смелостью и дрессировкой, однако же, тут, собравшись в кучу, выли над выемкой в болоте, некоторые отскакивали от нее, другие же, дрожа и вытаращив глаза, смотрели вниз.

Компания, протрезвившаяся, как можно думать, остановилась. Большинство всадников ни за что не хотело двигаться дальше, но трое из них, самых смелых, а может быть, и самых пьяных, спустились во впадину. Перед ними открылось широкое пространство, на котором стояли большие камни, видимые там еще и теперь и поставленные здесь в древние времена каким-нибудь забытым народом. Месяц ярко освещал площадку, и в центре ее лежала несчастная девушка, упавшая сюда мертвою от страха и усталости. Но волосы поднялись на головах трех дьявольски смелых бездельников не от этого вида и даже не от того, что тут же, рядом с девушкой, лежало тело Гюго Баскервиля, а потому, что над Гюго стояло, трепля его за горло, отвратительное существо, похожее на собаку, но несравненно крупнее когда-либо виденной собаки. Пока всадники смотрели на эту картину, животное вырвало горло Гюго Баскервиля и повернуло к ним голову с горящими глазами и разинутую челюстью, с которой капала кровь. Все трое вскрикнули от ужаса и ускакали, спасая жизнь, и долго крики их оглашали болото. Один из них, говорят, умер в ту же ночь от того, что он видел, а двое остальных на всю жизнь остались разбитыми людьми.

Такова, сыновья мои, легенда о появлении собаки, которая с тех пор была, говорят, бичом нашего рода. Изложил я ее, потому что известное менее внушает ужаса, чем предполагаемое и угадываемое. Нельзя также отрицать, что многие из нашего рода погибли неестественною смертью, – внезапной, кровавой и таинственной. Но предадимся защите бесконечно благостного Провидения, которое не будет вечно наказывать невинного дальше третьего или четвертого поколения, как угрожает Священное Писание. А потому я поручаю вас, сыновья мои, этому Провидению и советую вам ради предосторожности не проходить по болоту в темные часы ночи, когда властвует нечистая сила.

(От Гюго Баскервиля его сыновьям Роджеру и Джону, с предупреждением ничего не говорить об этом сестре своей Елизавете).

Когда доктор Мортимер окончил чтение этого странного рассказа, он сдвинул на лоб свои очки и пристально уставился в Шерлока Холмса. Последний зевнул и бросил окурочек своей папироски в камин.

– Ну? – спросил он.

– Разве вы не находите это интересным?

– Для собирателя волшебных сказок.

Доктор Мортимер вынул из кармана сложенную газету и сказал:

– Теперь, мистер Холмс, мы вам дадим нечто более современное. Это «Хроника графства Девон» от 14-го мая нынешнего года. Она заключает в себе краткое сообщение о фактах, сопровождавших смерть сэра Чарльза Баскервиля.

Мой друг нагнулся несколько вперед, и на лице его выразилось напряженное внимание. Наш посетитель поправил очки и начал читать:

«Недавняя скоропостижная смерть сэра Чарльза Баскервиля, которого называли вероятным кандидатом на ближайших выборах от Среднего Девона, набросила мрачную тень на всю страну. Хотя сэр Чарльз жил в своем поместье Баскервиль сравнительно недолго, но его любезность и крайняя щедрость привлекли к нему любовь и уважение всех, кто приходил с ним в соприкосновение. В настоящие дни, изобилующие *nouveaux riches*,¹ утешительно видеть, когда потомок старой фамилии графства, претерпевшей тяжелые дни, способен сам составить свое состояние и вернуть своему роду его былое величие. Известно, что сэр Чарльз приобрел большой капитал спекуляциями в Южной Африке. Благоразумнее тех, кто не останавливается, пока колесо фортуны не повернется против них, он реализовал свои барыши и вернулся с ними в Англию. Он только два года назад поселился в Баскервиле, и все говорят об его широких планах перестройки и усовершенствований, прерванных его смертью. Сам бездетный, он громко выражал желание, чтобы, еще при его жизни, вся эта часть графства получала выгоду от его благосостояния, и многие имеют личные причины оплакивать его преждевременную кончину. О его щедрых пожертвованиях на благотворительные дела местные и во всем графстве часто говорилось на столбцах нашей газеты.

Нельзя сказать, чтобы обстоятельства, связанные со смертью сэра Чарльза, были вполне выяснены следствием, но, по крайней мере, многое сделано для того, чтобы опровергнуть слухи, вызванные местным суеверием. Как бы то ни было, нет ни малейшего повода подозревать злодеяние или чтобы смерть произошла от чего-нибудь иного, кроме самых естественных причин. Сэр Чарльз был вдовец, и можно сказать, что в некоторых отношениях он был эксцентричным человеком: несмотря на свое богатство, он имел очень скромные вкусы, и весь его домашний штат прислуги в замке Баскервиль состоял из супругов Барримор, – муж был дворецкий, а жена экономкой. Из их показаний, подкрепленных свидетельством нескольких друзей, видно, что за последнее время здоровье сэра Чарльза стало ослабевать и что у него была какая-то болезнь сердца, проявлявшаяся изменениями цвета лица, удушьем и острыми приступами нервного упадка сил. Доктор Джэкс Мортимер, друг и врач покойного, показал то же самое.

Обстоятельства, связанные с этим случаем, очень просты. Сэр Чарльз Баскервиль имел обыкновение перед сном прогуливаться по знаменитой тисовой аллее. Барриморы свидетельствовали о такой привычке его. 14-го мая сэр Чарльз объявил о своем намерении ехать на другой день в Лондон и приказал Барримору уложить вещи. Вечером он отправился на свою обыкновенную ночную прогулку, в продолжение которой имел привычку курить сигару. С этой прогулки ему не суждено было вернуться. В двенадцать часов ночи, видя, что дверь в переднюю все еще открыта, Барримор стал беспокоиться и, засветив фонарь, отправился на поиски своего господина. День был сырой, и следы сэра Чарльза были ясно видны на аллее. На полпути по этой аллее есть калитка, выходящая на болото. Видно было, что сэр Чарльз останавливался тут не надолго, затем продолжал свою прогулку по

¹ Нувориши, букв. «новые богачи» (фр.)

аллее, и в самом конце ее было найдено его тело. Тут есть один только необъясненный факт, а именно показание Барримора о том, что, за калиткой, следы шагов сэра Чарльза изменили свой характер, и казалось, будто он шел не полной ступней, а только на носках. Некто Мерфи, цыган-барышник, находился в то время на болоте, недалеко от калитки, но, по собственному его признанию, он был мертвецки пьян. Он заявил, что слышал крики, но не был в состоянии определить, откуда они шли. На теле сэра Чарльза не было обнаружено никаких знаков насилия и, хотя свидетельство доктора указывало на невероятное почти искажение лица (настолько сильное, что доктор Мортимер сразу не узнал своего друга и пациента), но было выяснено, что такой симптом бывает в случаях удушья и смерти от паралича сердца. Такое объяснение было дано при вскрытии, доказавшем, что сэр Чарльз давно страдал органическим пороком сердца, и следователь постановил свое решение на основании медицинских показаний. Хорошо, что все так объяснилось, потому что крайне важно, чтобы наследник сэра Чарльза поселился в замке и продолжал доброе дело, столь грустно прерванное. Если бы прозаический вывод следователя не положил конца романическим историям, которые нашептывались по поводу этой смерти, то трудно было бы найти владельца для Баскервиля. Говорят, что ближайший родственник и наследник – сэр Генри Баскервиль, сын младшего брата сэра Чарльза. По последним известиям, молодой человек был в Америке, и теперь собираются сведения о нем для того, чтобы иметь возможность сообщить ему о его наследстве».

Доктор Мортимер сложил газету и положил ее обратно в карман.

– Таковы, мистер Холмс, обнародованные факты, относящиеся к смерти сэра Чарльза Баскервиля.

– Я должен принести вам свою благодарность, – сказал Шерлок Холмс, – за то, что вы привлекли мое внимание на случай, который представляет, конечно, несколько интересных данных. Я в то время видел мельком несколько газетных сообщений об этом, но был занят маленьким делом о ватиканской камее и, в своем желании угодить папе, упустил из вида несколько интересных английских дел. В этой статье, говорите вы, заключаются все обнародованные факты?

– Да.

– Так сообщите мне интимные сведения.

С этими словами Холмс снова прислонился к спинке кресла, сложил концы пальцев и принял самое бесстрастное судейское выражение.

– Делая это, – сказал Мортимер, начинавший выказывать сильное волнение, – я говорю то, чего никогда никому не доверял. Один из мотивов, по которому я это скрыл от следствия, заключается в том, что человеку науки крайне неприятно быть заподозренным в том, что он разделяет народное суеверие. Вторым мотивом было то, что Баскервильское поместье, как говорит о том газета, осталось бы без владельца, если бы что-нибудь усилило его и без того мрачную репутацию. По обоим этим причинам я думал, что имел право сказать менее, чем знал, раз практически ничего хорошего не вышло бы из моей откровенности, но от вас у меня нет никакой причины скрывать что бы то ни было.

Болото очень мало населено, и те, кто живут по соседству друг с другом, находятся в постоянном сношении. Поэтому я часто виделся с сэром Чарльзом Баскервилем. За исключением мистера Франкланда из Лафтар-голля и мистера Стапльтона – натуралиста, нет ни одного интеллигентного человека на много миль. Сэр Чарльз вел уединенную жизнь, но его болезнь свела нас, а эту связь поддерживала общность наших интересов в науке. Он привез с собою

из Южной Африки много научных сведений, и не мало провели мы прелестных вечеров, рассуждая о сравнительной анатомии бушмэна и готтентота.

В последние месяцы для меня становилось все яснее и яснее, что нервы сэра Чарльза были до последней крайности натянуты. Прочитанная мною вам легенда настолько подействовала на него, что хотя он ходил по всему пространству своих владений, но ничто не могло бы его заставить пойти ночью на болото. Как бы это ни казалось невероятным вам, мистер Холмс, он был искренно убежден, что ужасный рок тяготеет над его родом, и, конечно, то, что он рассказывал о своих предках, не могло действовать успокоительно. Его постоянно преследовала мысль о присутствии чего-то отвратительного, и не раз спрашивал он меня, не видел ли я во время своих врачебных странствований какого-нибудь странного существа или не слышал ли я лая. Последний вопрос ставил он мне несколько раз, и всегда голос его при этом дрожал от волнения.

Я хорошо помню, как недели за три до рокового происшествия я приехал к нему. Он стоял у выходной двери. Я сошел с брички и, стоя против него, увидел, что его глаза были устремлены за мое плечо, и в них читался страшный ужас. Я оглянулся и успел только мельком заметить что-то такое, что я принял за большого черного теленка, пробежавшего сзади экипажа. Сэр Чарльз был так взволнован и испуган, что я бросился к месту, на котором видел животное, чтобы поймать его. Но оно исчезло, и это происшествие произвело, казалось, на сэра Чарльза самое тягостное впечатление. Я просидел с ним весь вечер и по этому случаю, ради того, чтобы объяснить свое волнение, он вручил мне на хранение рукопись с повестью, которую я вам прочитал. Я упоминаю об этом маленьком эпизоде потому, что он приобретает некоторое значение в виду происшедшей впоследствии трагедии, но в то время я был убежден, что случай самый обыкновенный и что волнение сэра Чарльза не имело никакого основания.

Это я ему посоветовал отправиться в Лондон. Я знал, что сердце его было не в порядке, и постоянный страх, под которым он находился, как бы ни была химерична его причина, очевидно, имел сильное влияние на его здоровье. Я думал, что после нескольких месяцев, проведенных в городских развлечениях, он вернется к нам обновленным человеком. Мистер Стапльтон, наш общий друг, также беспокоившийся о состоянии его здоровья, был того же мнения. В последнюю минуту перед отъездом случилась ужасная катастрофа.

В ночь смерти сэра Чарльза, дворецкий Барримор, нашедший его тело, послал конюха Перкинса верхом за мною, и так как я еще не ложился спать, то через час после происшествия был уже в замке Баскервиль. Я проверил и подтвердил все факты, которые были упомянуты на следствии. Я проследил за отпечатками шагов по тисовой аллее; я видел место у калитки, ведущей в болото, на котором, по-видимому, стоял сэр Чарльз; я заметил изменение формы следов, начиная с этого пункта, и удостоверился, что на мягком гравии не было никаких больше следов, кроме Барримора, и, наконец, я тщательно осмотрел тело, которого не трогали до моего прибытия. Сэр Чарльз лежал ничком, с распростертыми руками, пальцы его впились в землю, и черты лица были до-того искажены каким-то сильным потрясением, что я бы не дал тогда клятвы в том, что вижу именно его. На теле действительно не оказалось никаких знаков насилия. Но одно показание Барримора на следствии было неправильным. Он сказал, что на земле вокруг тела не было никаких следов. Он не заметил никаких, я же заметил... на некотором расстоянии от тела, но свежие и отчетливые.

– Следы шагов?

– Шагов.

– Мужчины или женщины?

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас, и голос его понизился почти до шёпота, когда он ответил:

– Мистер Холмс, я видел следы шагов гигантской собаки.

III. Задача

Признаюсь, при этих словах я содрогнулся. Да и в голосе доктора слышалось легкое дрожание, доказывавшее, что и он глубоко взволнован тем, что нам рассказал. Холмс, возбужденный, нагнулся вперед, и глаза его блестели тем жестким, сухим блеском, какой всегда принимал его взгляд, когда он бывал сильно заинтересован.

- Вы их видели?
- Так же ясно, как вижу вас.
- И вы ничего не сказали?
- К чему?
- Каким образом могло случиться, что никто, кроме вас, не видел их?
- Отпечатки эти находились в двадцати приблизительно ярдах от тела, и никто не подумал о них. Полагаю, что и я бы не обратил на них внимания, если бы не знал легенды.
- На болоте много овчарок?
- Конечно, но то была не овчарка.
- Вы говорите, собака была большая.
- Громадная.
- Но она не подходила к телу?
- Нет.
- Какая была погода в ту ночь?
- Ночь была сырая.
- Но дождь не шел?
- Нет.
- Какой вид имеет аллея?
- Она состоит из двух линий тисовых живых непроницаемых изгородей, двенадцати футов высоты. Дорожка между ними имеет приблизительно восемь футов ширины.
- Есть ли что-нибудь между изгородями и дорожкой?
- Да, между ними тянется с обеих сторон полоска травы около шести футов ширины.
- Я понял, что в аллею есть доступ через калитку, сделанную в изгороди?
- Да, через калитку, которая выходит на болото.
- Существует ли какое-нибудь другое отверстие в изгороди?
- Нет никакого.
- Так что, для того, чтобы войти в тисовую аллею, надо спуститься от дома или войти через калитку с болота?
- Есть еще выход – через беседку на дальнем конце.
- Дошел ли сэр Чарльз до нее?
- Нет, он лежал в пятидесяти, приблизительно, ярдах от нее.
- Теперь скажите мне, доктор Мортимер, это очень важно: виденные вами следы были отпечатаны на дорожке, а не на траве?
- На траве нельзя было видеть никаких следов.
- Были ли они на стороне калитки?
- Да, на краю дорожки, с той же стороны, где и калитка.
- Вы чрезвычайно заинтересовали меня. Еще вопрос. Была ли заперта калитка?
- Заперта на замок.
- Как высока она?
- Около четырех футов.
- Так что можно перелезть через нее?
- Да.

- Не видели ли вы каких-нибудь следов у самой калитки?
- Ничего особенного.
- Царь Небесный! И никто не исследовал это место?
- Я сам осмотрел его.
- И ничего не нашли?
- Я был очень смущен. Было очевидно, что сэр Чарльз стоял тут в продолжение пяти или десяти минут.
- Почему вы это узнали?
- Потому что пепел с его сигары успел упасть два раза.
- Прекрасно. Это, Ватсон, коллега нам по душе. Но следы?
- На всем этом маленьком кусочке гравия были видны одни только его следы. Я не видел никаких иных.

Шерлок Холмс ударил себя по колену с выражением досады и воскликнул:

– Ах, отчего меня там не было! Это, очевидно, необыкновенно интересное дело и такого рода, что оно представляет обширное поле для действий научному эксперту. Эта страница гравия, на которой я мог бы прочесть так много, давно уже стерта дождем и тяжелыми сапогами любопытных мужиков. Ах, доктор Мортимер, доктор Мортимер! Как это вы меня не призвали туда! На вас поистине лежит большая ответственность.

– Я не мог вас призвать, мистер Холмс, не обнаружив этих фактов во всеобщее сведение, а я уже высказал вам причины, по которым не хотел этого сделать. Кроме того, кроме того...

- Почему вы колеблетесь?
- Есть область, в которой самый проникательный и опытный сыщик беспомощен.
- Вы хотите сказать, что дело это сверхъестественное?
- Я этого собственно не сказал.
- Да, но, очевидно, думаете.
- Мистер Холмс! Со времени этой трагедии до моего сведения дошло несколько инцидентов, которые трудно примирить с естественным порядком вещей.

– Например?

– Я узнал, что до этого ужасного происшествия несколько человек видели на болоте существо, соответствующее этому Баскервильскому демону, существо, которое не может быть ни одним животным, известным науке. Все, кто видел его, говорили, что это громадное существо, светящееся, отвратительное и похожее на призрак. Я расспрашивал всех этих людей: один из них крестьянин, с крепкой головою, другой кузнец, третий фермер на болоте, и все они говорят одно и то же об этом странном привидении, и то, что они рисуют, в точности соответствует адской собаке из легенды. Уверяю вас, что в округе царит ужас, и отважен тот человек, который решится пройти ночью по болоту.

– И вы, человек науки, верите в то, что тут действует сверхъестественная сила?

– Я не знаю, что думать.

Холмс пожал плечами и сказал:

– До сих пор мои исследования ограничивались этим миром. Я в скромных размерах боролся против зла, но выступить против самого отца зла было бы, пожалуй, слишком самоуверенно с моей стороны. Однако же вы должны допустить, что следы ног были материальны.

– Собака-легенда была настолько материальна, что могла перегрызть человеку горло, а между тем она была исчадием дьявола.

– Я вижу, что вы совершенно перешли на сторону сверхъестественников. Но, доктор Мортимер, вот что вы мне скажите: если вы придерживаетесь таких взглядов, зачем вы пришли ко мне за советом? Вы говорите мне, что бесполезно расследовать смерть сэра Чарльза, и одновременно просите меня это сделать.

– Я не сказал, чтобы вы произвели расследование.

– Так чем же я могу помочь вам?

– Советом, что мне делать с сэром Генри Баскервилем, который прибудет на станцию Ватерлоо – (доктор Мортимер посмотрел на свои часы) – ровно через час с четвертью.

– Наследник?

– Да. По смерти сэра Чарльза мы собрали справки об этом молодом человеке и узнали, что он занимался фермерством в Канаде. Из добытых о нем сведений оказывается, что он во всех отношениях превосходный мальчик. Теперь я говорю не как врач, а как душеприказчик сэра Чарльза.

– Я полагаю, что нет больше претендентов на наследство?

– Нет. Единственный еще родственник, о котором нам удалось узнать, – Роджер Баскервиль, младший из трех братьев, из которых бедный сэр Чарльз был старшим. Второй брат, давно умерший, отец молодого Генри. Третий, Роджер, был уродом семьи. В нем текла кровь древнего властного рода Баскервильей, и говорят, что он походил, как две капли воды, на фамильный портрет старого Гюго. Он так вел себя, что ему пришлось бежать из Англии, и он умер в 1876 г. в Центральной Америке от желтой лихорадки. Генри – последний Баскервиль. Через час и пять минут я его встречу на Ватерлооской станции. Я получил телеграмму о том, что он прибудет сегодня утром в Саутгэмптон. Так что же вы посоветуете мне, мистер Холмс, делать с ним?

– Почему не отправиться ему в дом своих предков?

– Да, это кажется естественным, не правда ли? А между тем возьмите в соображение, что всех Баскервильей, живших там, постигал злой рок. Я уверен, что если бы сэр Чарльз мог говорить со мною в момент своей смерти, он попросил бы меня не привозить в это проклятое место последнего в роде и наследника крупного состояния. Однако же, нельзя отрицать, что благосостояние всей бедной, мрачной местности зависит от его присутствия. Все добро, сделанное сэром Чарльзом, пропадет даром, если не будет хозяина в Баскервиль-голле. Из боязни, что мною будет руководить мой собственный, очевидный интерес в этом деле, я и пришел вам рассказать все и попросить вашего совета.

Холмс подумал некоторое время, затем сказал:

– Говоря простыми словами, вы того мнения, что какое-то дьявольское наваждение делает из Дартмура опасное место для потомка Баскервильей, не правда ли?

– По крайней мере, я утверждаю, что обстоятельства указывают на то.

– Прекрасно. Но если ваше мнение о сверхъестественном правильно, то оно может нанести зло молодому человеку так же легко в Лондоне, как и в Девоншире. Чёрт с чисто местной властью, наподобие приходского управления, был бы слишком непостижимым явлением.

– Вы отнеслись бы к делу не так легко, мистер Холмс, если бы вам пришлось лично войти в соприкосновение с данными обстоятельствами. Так ваше мнение таково, что безопасность молодого человека будет так же обеспечена в Девоншире, как и в Лондоне. Он приедет через пятьдесят минут. Что вы посоветуете?

– Я советую вам, сэр, взять кэб, позвать вашего спаньеля, который царапается у парадной двери, и поехать на Ватерлооскую станцию навстречу сэра Генри Баскервиля.

– А затем?

– А затем вы ровно ничего не скажете ему, пока я не обдумаю дело.

– А как долго вы будете обдумывать его?

– Двадцать четыре часа. Я буду очень обязан вам, доктор Мортимер, если завтра утром, в десять часов, вы придете сюда ко мне и приведете с собою сэра Генри Баскервиля; это было бы полезно для моих будущих планов.

– Я это исполню, мистер Холмс.

Он записал назначенное свидание на манжетке своей рубашки и поспешно вышел свойственной ему странной походкой. Холмс остановил его на верхней площадке лестницы словами:

– Еще один только вопрос, доктор Мортимер. Вы сказали, что перед смертью сэра Чарльза Баскервиля несколько человек видели привидение на болоте?

– Трое видели его.

– А после этого видел ли его кто-нибудь?

– Я ничего не слыхал об этом.

– Благодарю вас. Прощайте!

Холмс вернулся к своему креслу с тем спокойным выражением внутреннего довольства, которое означало, что ему предстоит симпатичная работа.

– Вы уходите, Ватсон?

– Да, если я вам не нужен.

– Нет, друг мой, я только в минуту действия обращаюсь за вашей помощью. Но это роскошное дело положительно единственное с известных точек зрения. Не будете ли вы добры, когда пойдете мимо Брэдлея, сказать ему, чтобы он прислал мне фунт самого крепкого табака? Благодарю вас. Было бы лучше, если бы вы нашли удобным не возвращаться до вечера. А тогда мне будет очень приятно сравнить наши впечатления о крайне интересной задаче, которую предложили сегодня утром на наше решение.

Я знал, что одиночество необходимо для моего друга в часы интенсивной умственной сосредоточенности, в продолжение которых он взвешивает все частицы доказательств, строит различные заключения, взаимно их проверяет и решает, какие пункты существенно важны и какие не имеют значения. Поэтому я провел день в клубе и только вечером вернулся в улицу Бекер.

Было около девяти часов, когда я входил в нашу гостиную, и первым моим впечатлением было, что у нас пожар: комната до того была полна дымом, что свет лампы, стоявшей на столе, имел вид пятна. Но когда я вошел, то успокоился, так как закашлялся от едкого табачного дыма. Сквозь туман смутно обрисовалась фигура Холмса в халате; он сидел, скорчившись в кресле, с черною глиняною трубкою в зубах. Вокруг него лежало несколько свертков бумаг.

– Что, простудились, Ватсон? – спросил он.

– Нет, я кашляю от отравленной атмосферы.

– Да, теперь, как вы сказали, и я нахожу ее несколько тяжелой.

– Тяжелую! Она невыносима!

– Так откройте окно. Я вижу, что вы целый день были в вашем клубе.

– Милый Холмс!

– Разве я не прав?

– Конечно, правы, но как...?

Он засмеялся от моего недоумения.

– Вы распространяете вокруг себя, Ватсон, такую восхитительную свежесть, что приятно упражнять свои небольшие способности на ваш счет. Джентльмен выходит из дому в дождливую погоду и грязь; возвращается же он вечером со шляпою и сапогами, не утратившими свой лоск. Значит, он целый день не двигался. У него нет близких друзей. Где же мог он быть? Разве это не очевидно?

– Да, пожалуй, что и очевидно.

– Свет полон очевидностей, которых никто не замечает. Как вы думаете, где был я?

– Также не двигались с места.

– Напротив, я был в Девоншире.

– Мысленно?

– Именно. Мое тело оставалось в этом кресле и, как я, к сожалению, вижу, истребило в мое отсутствие две больших кружки кофе и невероятное количество табаку. Когда вы ушли, я послал к Стамфорду за артиллерийской картой этой части болота, и мой ум целый день бродил по нему. Я могу похвастать, что не заблужусь на его дорогах.

– Это карта большого масштаба, вероятно?

– Очень большого. – Он развернул часть ее на своих коленях. – Здесь вот тот участок, который нас интересует, а вот и Баскервиль-голл в середине.

– С лесом вокруг него?

– Именно. Я полагаю, что тисовая аллея, не обозначенная на карте под этим названием, идет вдоль этой линии, с болотом на правой ее стороне, как вы видите. Эта кучка строений, – деревушка Гримпен, в которой живет наш друг, доктор Мортимер; на пять миль в окружности, как вы видите, находится очень немного разбросанных жилищ. Вот Лафтар-голл, о котором было упомянуто в рассказе. Тут обозначен дом, который, может быть, принадлежит натуралисту Стапльтону, если я верно припомнил его имя. Здесь две фермы на болоте, – Гай-Тор и Фаульмайр. А в четырнадцати милях далее находится большая Принцтаунская тюрьма. Между и вокруг этих разбросанных пунктов лежит мрачное, безжизненное болото. Тут, наконец, находится сцена, на которой разыгралась трагедия, и на которой мы попробуем ее воспроизвести.

– Это, должно быть, дикое место.

– Да, обстановка подходящая. Если чёрт желал вмешаться в дела людей...

– Так, значит, и вы склоняетесь к сверхъестественному объяснению?

– А разве агентами дьявола не могут быть создания из мяса и крови? Теперь для начала нам поставлено два вопроса: первый – не совершено ли здесь преступления, второй – какого рода это преступление, и как оно совершено? Конечно, если предположение доктора Мортимера верно, и мы имеем дело с силами, не подчиненными простому закону природы, то тут и конец нашим расследованиям. Но мы обязаны исчерпать все остальные гипотезы прежде, чем отступить перед этой. Я думаю, если вам безразлично, закрыть это окно. Удивительное дело, но я нахожу, что концентрированная атмосфера способствует концентрированию мыслей. Я не дошел до того, чтобы забираться в ящик для размышлений, но это логический вывод из моих убеждений. Обдумали ли вы этот случай?

– Да, я много думал о нем в течение дня.

– И что вы думаете о нем?

– Это дело способно поставить в тупик.

– Оно, конечно, имеет свой особенный характер. Есть в нем отличительные признаки. Например, это изменение следов. Что вы о нем думаете?

– Мортимер сказал, что человек шел на цыпочках по этой части аллеи.

– Он только повторил то, что какой-то дурак сказал во время следствия. Ради чего стал бы человек ходить на цыпочках по аллее?

– Что же это было?

– Он бежал, Ватсон, бежал отчаянно, бежал, чтобы спасти свою жизнь, бежал, пока не сделался у него разрыв сердца, и он не упал мертвым.

– Бежал от чего?

– В этом-то и заключается наша задача. Есть указания на то, что он был поражен ужасом прежде, чем принялся бежать.

– Какие указания?

– Я полагаю, что причина его страха появилась с болота. Если это так, – а это кажется мне самым вероятным, – то только обезумевший человек мог бежать от дома вместо того, чтобы идти по направлению к нему. Если давать веру показанию цыгана, то сэр Чарльз бежал с криками о помощи по тому направлению, откуда менее всего можно было её получить. Затем

еще, – кого ожидал он в эту ночь, и зачем он его ожидал в тисовой аллее, а не в собственном доме?

– Вы думаете, что он ожидал кого-нибудь?

– Сэр Чарльз был пожилой и больной человек. Мы можем допустить, что он вышел на вечернюю прогулку, но земля была сырая и погода неблагоприятная. Естественно ли, чтобы он стоял в продолжение пяти или десяти минут, как доктор Мортимер, с большим практическим смыслом, чем я мог предполагать в нем, заключил по пеплу сигары?

– Но ведь он выходил каждый вечер.

– Не думаю, чтобы он каждый вечер стоял у калитки, ведущей на болото. Напротив, очевидно из рассказа, что он избегал болота. В эту же ночь он стоял там и ждал. Это было накануне дня, назначенного для его отъезда в Лондон. Дело обрисовывается, Ватсон. Является последовательность. Могу я вас попросить передать мне скрипку, и мы отложим все дальнейшие размышления об этом деле, пока не будем иметь удовольствия увидеть завтра утром доктора Мортимера и сэра Генри Баскервиля.

IV. Сэр Генри Баскервиль

Наш завтрак был рано убран, и Холмс в халате ожидал обещанного свидания. Наши клиенты оказались точными: часы только что пробили десять, когда в дверях появился доктор Мортимер, а за ним молодой баронет. Последний был небольшого роста, живой, черноглазый мужчина лет тридцати, крепко сложенный, с густыми черными бровями и здоровым серьезным лицом. Он был одет в красноватый костюм и имел вид человека, проводившего большую часть своего времени на воздухе, а между тем в его решительном взгляде и в спокойной уверенности его манер было что-то, обличающее в нем джентльмена.

– Это сэр Генри Баскервиль, – сказал доктор Мортимер.

– Верно, – подтвердил сэр Генри, – и странно то, мистер Шерлок Холмс, что, если бы мой друг не предложил мне пойти к вам сегодня утром, я сам по себе пришел бы. Я знаю, что вы занимаетесь разгадкой маленьких загадок, а сегодня утром мне попала одна загадка, которая требует большого обдумывания, чем я на то способен.

– Садитесь, пожалуйста, сэр Генри. Верно ли я понял, что с вами лично случилось нечто необыкновенное с тех пор, как вы приехали в Лондон?

– Ничего особенно важного, мистер Холмс. Нечто похожее на шутку. Сегодня утром я получил это письмо, если только можно это назвать письмом.

Он положил на стол конверт, и мы все нагнулись над ним. Конверт этот был из простой сероватой бумаги. Адрес: «Сэр Генри Баскервиль, Нортумберландский отель», был напечатан неровными буквами; на почтовом штемпеле было «Чэринг-Кросс» и число вчерашнего дня.

– Кто знал, что вы остановитесь в Нортумберландском отеле? – спросил Холмс, проницательно всматриваясь в нашего посетителя.

– Никто не мог этого знать. Мы решили вместе с доктором Мортимером остановиться в этом отеле уже после того, как я с ним встретился.

– Но, без сомнения, доктор Мортимер уже поселился там раньше?

– Нет, я остановился у одного приятеля, – сказал доктор. – Не могло быть никаких указаний на то, что мы намерены были отправиться в этот отель.

– Гм! Кто-то, по-видимому, глубоко заинтересован вашими действиями.

Холмс вынул из конверта пол-листа бумаги малого формата, сложенный вчетверо. Он его развернул и расправил на столе. Посередине листа была наклеена отдельными печатными словами единственная фраза: «Если вам ценна ваша жизнь или ваш разум, вы должны держаться далеко от болота». Одно только слово «болото» было написано чернилами, но также печатными буквами.

– Теперь, – сказал Генри Баскервиль, – вы, может быть, скажете мне, мистер Холмс, что это значит, и какой чёрт так интересуется моими делами?

– Что вы об этом думаете, доктор Мортимер? Вы должны допустить, что в этом-то уж во всяком случае нет ничего сверхъестественного.

– Конечно, сэр, но это письмо могло быть получено от человека, убежденного в сверхъестественности этого дела.

– Какого дела? – резко спросил сэр Генри. – Мне кажется, что вы все знаете гораздо больше, чем я о моих собственных делах.

– Мы поделимся с вами всеми нашими сведениями, прежде чем вы уйдете из этой комнаты, сэр Генри. Обещаю вам это, – сказал Шерлок Холмс. – А пока, с вашего позволения, мы ограничимся этим весьма интересным документом, который был, по всей вероятности, составлен и сдан на почту вчера вечером. Нет ли у вас вчерашнего «Таймса», Ватсон?

– Он тут в углу.

– Могу я вас попросить достать его и развернуть на странице с передовыми статьями?

Он быстро пробежал глазами столбцы газеты и сказал:

– Вот отменная статья о свободной торговле. Позвольте мне прочитать вам извлечение из нее. «Если вам польстят, вы вообразите, что от покровительственного тарифа должны быть поощрены ваша специальная торговля или ваш собственный промысел, но разум говорит, что от такого законодательства благосостояние будет далеко от страны, наша ввозная торговля будет менее ценна и жизнь на острове в ее общих условиях будет держаться на низком уровне». Что вы думаете об этом, Ватсон? – воскликнул сияющий Холмс, потирая от удовольствия руки. – Не находите ли вы, что тут выражено прекрасное чувство?

Доктор Мортимер посмотрел на Холмса с выражением профессионального интереса, а сэр Генри Баскервиль с недоумением взглянул на меня своими черными глазами и сказал:

– Я немного смыслю в тарифах и тому подобном, но мне кажется, что мы удалились от пути к объяснению этого письма.

– Напротив, сэр Генри, мы идем по самым горячим следам. Ватсон больше вас знаком с моим методом, но я опасаясь, что и он не вполне понял значение этой сентенции.

– Признаюсь, я не понимаю, какое она имеет отношение к письму.

– А между тем, милый мой Ватсон, между ними существует тесная связь, одно взято из другого. «Если», «вам», «вы», «от», «должны», «ваша», «ваш», «разум», «далеко», «ценна», «жизнь», «держаться». Видите ли вы теперь, откуда эти слова взяты?

– Чёрт возьми, вы правы! Ну, не прелесть ли это! – воскликнул сэр Генри.

– Право, мистер Холмс, это превосходит все, что я мог вообразить, – произнес доктор Мортимер, смотря с удивлением на моего друга. – Я мог бы догадаться, что слова взяты из газеты, но сказать из какой и прибавить, что они взяты из передовой статьи, это поистине удивительно. Как вы это узнали?

– Я полагаю, доктор, что вы отличите череп негра от черепа эскимоса?

– Конечно.

– Но каким образом?

– Потому что это моя специальность. Различие бросается в глаза. Надглазная выпуклость, личной угол, изгиб челюсти...

– Ну, а это моя специальность, и различие также бросается в глаза. На мой взгляд такая же существует разница между разделенным шпоном шрифтом боргесом, которым печатаются статьи «Таймса», и неряшливым шрифтом дешевой вечерней газетки, какая существует между вашим негром и эскимосом. Распознавание шрифтов – одно из самых элементарных знаний эксперта по преступлениям, хотя признаюсь, что однажды, когда я был еще очень молод, я смешал «Leeds Mercury» с «Western Morning News». Но передовую статью «Таймса» очень легко отличить, и эти слова не могли быть взяты ниоткуда больше. Так как это сделано вчера, то вероятность говорит за то, что слова вырезаны из вчерашнего номера.

– Насколько мне удастся следить за вашими мыслями, мистер Холмс, – сказал сэр Генри Баскервиль, – кто-то вырезал это послание ножницами...

– Ногтяными ножницами, – добавил Холмс. – Видно, что ножницы были очень коротки, так как слово «держаться» вырезано в два приема.

– Это верно. И так, кто-то вырезал послание короткими ножницами и наклеил его клейстером...

– Клеем, – поправил Холмс.

– Клеем на бумагу. Но мне хочется знать, почему слово «болото» написано чернилами?

– Потому что не нашли его в печати. Остальные слова очень просты и могли быть найдены в любом номере, но «болото» менее обыкновенно.

– Да, конечно, это вполне ясно. Не узнали ли вы еще чего-нибудь из этого послания, мистер Холмс?

– Есть одно или два указания, а между тем приняты все меры, чтобы скрыть руководящую нить. Вы заметили, что адрес напечатан неровными буквами. Но «Таймс» такая газета, которую редко можно найти в чьих бы то ни было руках, кроме высокообразованных людей. А потому мы можем признать, что письмо составлено образованным человеком, желавшим, чтобы его признали за необразованного, и его старание скрыть свой почерк наводит на мысль, что этот почерк вам знаком или может стать знакомым. Еще заметьте, что слова не наклеены аккуратно в одну линию и что некоторые гораздо выше других. Слово «жизнь» например совершенно не на своем месте. Это доказывает, может быть, небрежность, а может быть, волнение и поспешность со стороны составителя. Я склонен принять последнее мнение, потому что раз дело было так важно, то нельзя думать, чтобы составитель письма был небрежен. Если же он спешил, то тут является интересный вопрос, почему он спешил, так как всякое письмо, брошенное в почтовый ящик до сегодняшнего раннего утра, дошло бы до сэра Генри раньше его выхода из отеля. Не опасался ли составитель письма помехи и от кого?

– Тут мы входим уже в область догадок, – сказал доктор Мортимер.

– Вернее в область, в которой мы взвешиваем вероятности и выбираем самую возможную из них. Это научное приспособление воображения, но мы всегда имеем материальное основание, на котором строятся наши рассуждения. Вот вы, без сомнения, назовете это догадкой, а я почти уверен, что этот адрес написан в отеле.

– Скажите, Бога ради, как вы можете это утверждать?

– Если вы тщательно рассмотрите его, то увидите, что и перо и чернила наделали писателю много хлопот. Перо брызнуло два раза в одном слове и трижды высохло во время писания короткого адреса, что служит доказательством того, что в чернильнице было очень мало чернил. Частное перо и чернильница редко бывают в таком плачевном состоянии, а чтобы обе эти принадлежности писания были скверные – обстоятельство, встречающееся весьма редко. Но вы знаете, каковы вообще чернила и перья в гостиницах. Да, я очень мало колеблюсь, говоря, что если бы мы могли обыскивать корзинки для ненужных бумаг во всех отелях по соседству с Чэринг-Кроссом, пока бы не напали на остатки вырезанной передовой статьи «Таймса», то сразу наложили бы руки на человека, пославшего это оригинальное письмо. Эге! Что это такое?

Он тщательно рассматривал бумагу, на которой были наклеены слова, держа ее не больше как дюйма на два от своих глаз.

– В чем дело?

– Ничего, – ответил Холмс, опуская бумагу. – Это чистый полулист бумаги, даже без водяного знака. Я думаю, что мы извлекли все, что можно было, из этого любопытного письма; а теперь, сэр Генри, не случилось ли еще чего-нибудь интересного с вами с тех пор, как вы в Лондоне?

– Нет, мистер Холмс. Не думаю.

– Вы не заметили, чтобы кто-нибудь следовал за вами и караулил вас?

– Мне кажется, что я прямо попал в самый разгар дешевого романа, – ответил наш гость. – Какому чёрту нужно следить за мною или караулить меня?

– Мы подходим к этому вопросу. Но прежде чем приняться за него, не имеете ли вы еще чего-нибудь сообщить нам?

– Это зависит от того, что вы считаете стоящим сообщения.

– Я считаю стоящим внимания все, что выходит из ряда жизненной рутины.

Сэр Генри улыбнулся.

– Я мало еще знаком с британскою жизнью, потому что я провел почти всю свою жизнь в Штатах и в Канаде. Но надеюсь, что у вас здесь не считается делом обыденной жизни потерять один сапог.

– Вы потеряли один из ваших сапогов?

– Ах, милый сэра, – воскликнул доктор Мортимер, – он просто не доставлен на место. Вы найдете его, когда вернетесь в отель. Нет надобности беспокоить мистера Холмса такими пустяками.

– Да ведь он же меня просил рассказать о том, что выходит из ряда обыденной жизни.

– Совершенно верно, – сказал Холмс, – как бы ни казался инцидент пустячным. Вы говорите, что потеряли один сапог?

– Я поставил вчера вечером оба сапога за дверь, а утром там оказался только один. Я ничего не мог добиться от малого, который чистил их. Но самое скверное в том, что я только вчера вечером купил эту пару на Странде и ни разу не надевал её.

– Если вы ни разу не надевали этих сапог, то зачем же вы их выставили для чистки?

– То были дубленные сапоги, и они не были покрыты ваксою. Вот почему я их и выставил.

– Так, значит, когда вы вчера приехали в Лондон, то сразу отправились покупать пару сапог?

– Я много чего накупил. Доктор Мортимер ходил со мною. Видите ли, раз мне приходится быть там владельцем, то я должен одеться соответствующим образом, а весьма возможно, что на Западе я стал несколько небрежен в этом отношении. Между прочими вещами я купил те коричневые сапоги (дал шесть долларов за них), и один из них украден прежде, чем я успел их надеть.

– Это кажется очень бесполезным воровством, – сказал Шерлок Холмс. – Признаюсь, – я разделяю мнение доктора Мортимера, что пропавший сапог скоро найдется.

– А теперь, господа, – решительно произнес баронет, – я нахожу, что совершенно достаточно говорил о том немногом, что я знаю. Пора вам выполнить свое обещание и дать мне полный отчет в том, о чем мы хлопочем.

– Ваше требование вполне разумно, – сказал Холмс. – Доктор Мортимер, я думаю, что будет лучше всего, если вы расскажете свою историю так, как вы ее рассказали нам.

Поощренный этим приглашением наш ученый друг вынул бумаги из кармана и изложил все дело так, как он это сделал накануне утром. Сэр Генри Баскервиль слушал с глубочайшим вниманием, и, по временам, у него вырывались возгласы удивления.

– По-видимому, я получил наследство с мезью, – сказал он, когда длинная повесть была окончена. – Я, конечно, слышал о собаке, когда еще был ребенком. Это любимая история в нашей семье, хотя раньше я никогда не относился к ней серьезно. Но со времени смерти моего дяди, история эта точно бурлит у меня в голове, и я не могу еще разобраться в ней. Вы как будто еще не решили, чьей компетенции это дело: полиции или церкви.

– Совершенно верно.

– А теперь еще явилось это письмо. Я полагаю, что оно тут на месте.

– Оно доказывает, что кто-то знает больше нас о том, что происходит на болоте, – сказал доктор Мортимер.

– А также, – прибавил Холмс, – что кто-то расположен к вам, раз он предостерегает вас против опасности.

– А может быть меня желают удалить из личных интересов?

– Конечно, и это возможно. Я весьма обязан вам, доктор Мортимер, что вы познакомили меня с задачей, которая представляет несколько интересных решений. Но мы должны теперь решить практический вопрос, благоразумно ли будет вам, сэра Генри, отправиться в Баскервиль-голлль.

– А почему бы мне не поехать туда?

– Там, по-видимому, существует опасность.

– Какую опасность разумеете вы, – от нашего фамильного врага или от человеческих существ?

– Это-то мы и должны узнать.

– Что бы там ни было, мой ответ готов. Нет такого дьявола в аду, мистер Холмс, ни такого человека на земле, который помешал бы мне отправиться в страну моего народа, и вы можете это считать за мой окончательный ответ.

Его темные брови нахмурились, и лицо его стало багровым. Огненный темперамент Баскервилей, очевидно, не угас в этом последнем их потомке.

– Между тем, – заговорил он снова, – у меня и времени не было подумать о том, что вы мне рассказали. Тяжело для человека понять и решить дело в один присест. Мне бы хотелось провести спокойно час с самим собою, чтобы все обдумать. Послушайте, мистер Холмс, теперь половина двенадцатого, и я отправляюсь прямо в свой отель. Что бы вы сказали, если бы я попросил вас и вашего друга, доктора Ватсона, придти позавтракать с нами в два часа? Тогда я буду в состоянии сказать вам яснее, как подействовала на меня эта история.

– Удобно ли это вам, Ватсон?

– Совершенно.

– Так вы можете ожидать нас. Не приказать ли позвать для вас кэб?

– Я предпочитаю пройтись, потому что все это взволновало меня.

– Я с удовольствием совершу прогулку с вами, – сказал его компаньон.

– Итак мы снова увидимся в два часа. До свидания!

Мы слышали, как наши гости спустились по лестнице и как за ними захлопнулась парадная дверь. В одно мгновение Холмс превратился из сонного мечтателя в человека действия.

– Вашу шляпу и сапоги, Ватсон, живо! Нельзя терять ни одной минуты!

С этими словами он бросился в халате в свою комнату и через несколько секунд вернулся оттуда в сюртуке. Мы побежали вниз по лестнице и вышли на улицу. Доктор Мортимер и Баскервиль были еще видны в двухстах, приблизительно, ярдах впереди нас, по направлению к Оксфордской улице.

– Не побежать ли мне остановить их?

– Ни за что на свете, мой милый Ватсон. Я вполне довольствуюсь вашим обществом, если вы переносите мое. Наши друзья – умные люди, потому что утро действительно прекрасное для прогулки.

Он ускорил шаг, пока мы не уменьшили вдвое расстояние, отделявшее нас от наших посетителей. Затем, оставаясь постоянно в ста ярдах позади их, мы последовали за ними в Оксфордскую улицу, а оттуда далее в Реджент-стрит. Один раз приятели наши остановились и стали смотреть в окно магазина. Холмс последовал их примеру. Затем он издал легкий возглас удивления и, следуя за его пронизательным взором, я увидел кэб с кучерским сидением сзади и в этом кэбе человека; он остановил экипаж на той стороне улицы, а теперь снова медленно ехал вперед.

– Это наш человек, Ватсон, идем! Мы хоть всмотримся в него, если не будем в состоянии сделать ничего лучшего.

В эту минуту я отчетливо рассмотрел густую черную бороду и пару пронзительных глаз, смотревших на нас через боковое окошко кэба. Моментально открылось опускное отверстие наверху, что-то было сказано кучеру, и кэб бешено полетел вниз по Реджент-стрит. Холмс с нетерпением стал осматриваться кругом, ища другой кэб, но не было видно ни одного пустого. Тогда он бросился в неистовую погоню в самую середину движения на улице, но расстояние было слишком велико, и кэб уже исчез из виду.

– Ну вот! – с горечью воскликнул Холмс, когда, запыхавшись и бледный от досады, вынырнул из потока экипажей. – Может же случиться такая неудача и можно же поступить так скверно! Ватсон, Ватсон, если вы честный человек, вы и это расскажете и выставите, как неудачу с моей стороны!

– Кто был этот человек?

– Понятия не имею.

– Шпион?

– Из того, что мы слышали, очевидно, что кто-то очень тщательно следит за Баскервилем с тех пор, как он в городе. Иначе как же можно было узнать так быстро, что он остановился в Нортумберландском отеле? Из того факта, что за ним следили в первый день, я вывожу заключение, что за ним будут следить и во второй день. Вы должны были заметить, что я дважды подходил к окну, пока доктор Мортимер читал свою легенду.

– Да, помню.

– Я смотрел, не увижу ли праздношатающихся на улице, но не увидел ни одного. Мы имеем дело с умным человеком, Ватсон. Тут все очень глубоко задумано и, хотя я еще не решил окончательно, с кем мы имеем дело – с доброжелателем или врагом, я вижу, что тут есть сила и определенная цель. Когда наши приятели вышли, я тотчас же последовал за ними, в надежде заметить их невидимого спутника. У него хватило хитрости не идти пешком, а запастись кэбом, в котором он мог или медленно следовать за ними или же быстро пролететь, чтобы не быть ими замеченным. Он еще имел то преимущество, что, если бы они тоже взяли кэб, то он не отставал бы от них. Однако же это имеет одно большое неудобство.

– Он этим попадает во власть кэбмана.

– Именно.

– Как жаль, что мы не посмотрели на номер.

– Милый мой Ватсон, как ни оказался я тут неуклюжим, все-таки неужели вы серьезно предполагаете, что я не обратил внимания на номер. Номер этот 2704. Но в настоящую минуту он нам бесполезен.

– Я не вижу, что вы могли сделать большего.

– Заметив кэб, я должен был немедленно повернуть назад и идти в обратную сторону. Тогда я мог бы свободно нанять другой кэб и следовать за первым на почтительном расстоянии или, еще лучше, поехать прямо в Нортумберландский отель и там дожидаться его. Когда наш незнакомец проследил бы за Баскервилем до его дома, мы имели бы возможность повторить на нем самом его игру и увидеть, с какою целью он ее затеял. А теперь своею необдуманною поспешностью, которою наш противник воспользовался необыкновенно быстро, мы выдали себя и потеряли след нашего человека.

Разговаривая таким образом, мы медленно подвигались по Реджент-стрит, и доктор Мортимер с своим товарищем давно исчезли из наших глаз.

– Нет никакой надобности следовать за ними, – сказал Холмс. – Тень их исчезла и не вернется. Нам теперь остается посмотреть, какие у нас остались карты в руках, и решительно играть ими. Уверены ли вы, что узнали бы человека, сидевшего в кэбе?

– Я уверен только в том, что узнал бы его бороду.

– И я также, из чего вывожу заключение, что она приставная. Умному человеку, принявшему такое деликатное дело, нет иной надобности в бороде, как для того, чтобы скрыть свои черты. Войдем сюда, Ватсон!

Он повернул в одну из участковых комиссионерских контор, где его горячо приветствовал управляющий.

– А, Вильсон, я вижу, что вы не забыли еще маленького дела, в котором я имел счастье вам помочь?

– О, конечно, сэр, я его не забыл. Вы спасли мое доброе имя, а может быть и жизнь.

– Милый мой, вы преувеличиваете. Мне помнится, Вильсон, что между вашими мальчиками был малый по имени Картрайт, который на следствии оказался довольно способным.

– Он еще у нас, сэр.

– Не можете ли вы его вызвать сюда? Благодарю вас! И, пожалуйста, разменяйте мне эти пять фунтов.

Юноша лет четырнадцати, красивый и с виду смущенный, явился на зов. Он неподвижно стоял и смотрел с большим уважением на знаменитого сыщика.

– Дайте мне список отелей, – сказал Холмс. – Благодарю вас! Вот вам, Картрайт, названия двадцати трех отелей, находящихся в непосредственном соседстве с Чэринг-Кроссом. Видите?

– Да, сэр.

– Вы зайдете во все эти отели.

– Да, сэр.

– В каждом из них вы начнете с того, что дадите привратнику один шиллинг. Вот двадцать три шиллинга.

– Да, сэр.

– Вы скажете ему, что желаете пересмотреть вчерашние брошенные газеты. Вы объясните свое желание тем, что затеряна очень важная телеграмма и что вы разыскиваете ее. Понимаете?

– Да, сэр.

– Но в действительности вы будете разыскивать среднюю страницу «Таймса», с вырезанными в ней ножницами дырками. Вот номер «Таймса» и вот страница. Вы легко узнаете ее, не правда ли?

– Да, сэр.

– В каждом отеле привратник пошлет за швейцаром вестибюля, каждому из них вы также дадите шиллинг. Вот еще двадцать три шиллинга. Весьма вероятно, что в двадцати случаях из двадцати трех вам скажут, что вчерашние газеты сожжены или брошены. В остальных трех случаях вам покажут кучу газет, и вы разыщите в ней эту страницу «Таймса». Много шансов против того, чтобы вы ее нашли. Вот вам еще десять шиллингов на непредвиденные случаи. Сегодня до вечера вы мне сообщите о результатах в Бекер-стрит по телеграфу. А теперь, Ватсон, нам остается только узнать по телеграфу о личности кучера кэба № 2704, а затем мы зайдем в одну из картинных галлерей Бонд-стрита, чтобы провести время до часа назначенного в отеле свидания.

V. Три порванные нити

Шерлок Холмс обладал в изумительной степени способностью отвлекать свои мысли по желанию. Странное дело, в которое нас вовлекли, было в продолжение двух часов как будто совершенно им забыто, и он весь был поглощен картинами новейших бельгийских мастеров. По выходе из галлерей он не хотел ни о чем говорить, кроме как об искусстве (о котором мы имели самые элементарные понятия), пока мы не дошли до Нортумберландского отеля.

– Сэр Генри Баскервиль ожидает вас наверху, – сказал конторщик. – Он просил меня тотчас же, как вы придете, провести вас к нему.

– Вы ничего не будете иметь против того, чтобы я заглянул в вашу книгу записей? – спросил Холмс.

– Сделайте одолжение.

В книге после имени Баскервиля было занесено еще два. Одно было Теофилус Джонсон с семейством, из Ньюкэстля, а другое – миссис Ольдмар, с горничной, из Гай-Лодж, Альтон.

– Это наверное тот самый Джонсон, которого я знавал, – сказал Холмс. – Он юрист, не правда ли, седой и прихрамывает?

– Нет, сэр, этот Джонсон – владелец каменноугольных копей, очень подвижный джентльмен, не старше вас.

– Вы, должно был, ошибаетесь относительно его специальности.

– Нет, сэр. Он уже много лет останавливается в нашем отеле, и мы его очень хорошо знаем.

– Это дело другое. А миссис Ольдмар? Мне что-то помнится, как будто имя ее мне знакомо. Простите мне мое любопытство, но часто бывает, что, навещая одного друга, находишь другого.

– Она больная дама, сэр. Ее муж был майором, и она всегда, когда бывает в городе, останавливается у нас.

– Благодарю вас. Я, кажется, не могу претендовать на знакомство с нею. Этими вопросами, Ватсон, – продолжал он тихим голосом, пока мы поднимались по лестнице, – мы установили крайне важный факт. Мы теперь знаем, что человек, интересующийся нашим приятелем, не остановился в одном с ним отеле. Это значит, что, стремясь, как мы видели, следить за ним, он вместе с тем боится быть замеченным. Ну, а это очень знаменательный факт.

– Чем?

– А тем... Эге, милый друг, в чем дело?

Огибая перила наверху лестницы, мы наткнулись на самого Генри Баскервиля. Его лицо было красно от гнева, и он держал в руке старый пыльный сапог. Он до того был взбешен, что слова не выходили у него из горла; когда же он перевел дух, то заговорил на гораздо более вольном и более западном диалекте, чем тот, каким говорил утром.

– Мне кажется, что в этом отеле меня дурачат, как молокососа! – воскликнул он. – Советую им быть осторожными, не то они увидят, что не на такого напали. Чёрт возьми, если этот мальчишка не найдет моего сапога, то не сдобровать им! Я понимаю шутки, мистер Холмс, но на этот раз они хватили через меру.

– Вы все еще ищете свой сапог?

– Да, сэр, и намерен его найти.

– Но ведь вы же говорили, что это был новый коричневый сапог.

– Да, сэр. А теперь это старый черный.

– Что! Неужели?..

– Именно. У меня было всего три пары сапог: новые коричневые, старые черные и эти из лакированной кожи, что на мне. В прошлую ночь у меня взяли один коричневый сапог, а сегодня стибрили черный. Ну, нашли вы его? Да говорите же и не стойте так, выпучив глаза.

На сцену появился взволнованный немец-лакей.

– Нет, сэр. Я справлялся во всем отеле и ничего не мог узнать.

– Хорошо! Или сапог будет мне возвращен до захода солнца, или я пойду к хозяину и скажу ему, что моментально выезжаю из его отеля.

– Он будет найден, сэр... обещаю вам, что если вы только потерпите, он будет найден.

– Надеюсь, иначе это будет последняя вещь, которую я теряю в этом притоне воров.

Однако, простите меня, мистер Холмс, что я беспокою вас такими пустяками.

– Я думаю, что это стоит беспокойства.

– Вы как будто серьезно смотрите на это дело.

– Чем вы это все объясняете?

– Я и не пробую объяснять этого случая. Он мне кажется крайне нелепым и странным.

– Да, странный, пожалуй, – произнес Холмс в раздумье.

– Что вы-то сами о нем думаете?

– Я не скажу, что в настоящее время понимаю его. Это очень сложная штука, сэр Генри. Если связать с этим смерть вашего дяди, то я скажу, что из пятисот дел первой важности, которыми мне приходилось заниматься, ни одно не затрагивало меня так глубоко. Но у нас в руках несколько нитей и все шансы за то, что не та, так другая из них приведет нас к истине. Мы можем потратить время, руководствуясь не той, которой следует, но рано или поздно мы нападём на верную дорогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.